

Часть I. «Философские думы»

Р. Р. НУГАЕВА

**КАК ЕСЛИ БЫ КВЕНТИН МЕЙЯСУ
ОТВЕЧАЛ НА ВЫЗОВ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

Г. МОСКВА

***Аннотация:** В статье делается попытка осмыслить принцип контингентности К. Мейясу как близкий к идее неопределённости. Из чего следует вывод о стремлении философа к математическому абсолюту, как попытке преодолеть Хаос и неопределённость, подчинив их порядку.*

***Ключевые слова:** неопределённость, сложность, хаос, контингентность, Мейясу, Пригожин.*

ВВЕДЕНИЕ

Заново ставя вопрос о реальности, спекулятивные реалисты (пусть даже как не очень однородное и не организованное течение современной философии) размыкают корреляционистский круг как раз для того, чтобы выйти из уютного представления о детерминированности, предсказуемости и понятности мира. Вместе с развенчанными иллюзиями просвещенческого пафоса уходит, как ни странно, и определённость, которая представлялась такой стабильной. Перед нами снова таинственная, непостижимая... неопределённость, как то главное, что определяет единственно возможное и желаемое — реальность.

ОТВЕТ КВЕНТИНА МЕЙЯСУ НА ВЫЗОВ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Наука отказалась от определённости, приблизившись к реальности. Открытие неравновесных систем, которое в середине прошлого века сделал Пригожин и его команда утвердили незыблемость необратимой изменчивости, случайность и непредсказуемость динамических систем. Мир оказался Хаосом. Примерно в то же самое время Латур показывает изнанку мира научного — лабораторию, в которой наука не выявляет факты, а создаёт их [1]. Остов, на котором держалось представление об управляемом, податливом и понятном мире, к которому нужно только подобрать правильный микроскоп — рухнул. И вместе с ним выдохлась критика [2], а хаос, как известно, легче всего осваивают мародёры, поэтому даже у того, что верно на 95%, нет шансов стать правдой, если она не выгодна транснациональным компаниям. Однако хаос пытаются освоить и философы.

Название книги Квентина Мейясу «После конечности» говорит нам о том, что мы вышли за рамки определённого и конечного и столкнулись с тем, что им противоположно — с неопределённым и бесконечным. Контингентность как возможность-быть-иным у Квентина Мейясу становится ключевым свойством

за пределами конечности, в которые он выходит, разрывая «корреляционистский круг». В этом бесконечном «запределье» нет места принципу достаточного основания и невозможно никакое «необходимое сущее» [3, с. 86], и имеет место только сама контингентность любой вещи.

При этом контингентность (которая, по сути, абсолютна) в некоторой степени схожа с представлением о бесконечности Николая Кузанского, в котором Максимум, он же Единый, он же сама бесконечность есть абсолютная возможность всего [4, с. 56]. При этом Мейясу делает акцент на динамической стороне контингентности, т. е. на процессе изменения и его интенсивности, а потому у него нет той уравновешенной системы актуального и потенциального, которая позволяет Кузанскому говорить о том, что возможность есть бесконечная действительность [4, с. 87].

Кроме того, можно провести параллель контингентности Мейясу с неопределённостью мира, благодаря которой только и возможно появление чего-то нового, так как возможность быть иным есть только у вещей в динамической системе. Так, Пригожин предполагает, что сильный неравновесный хаос является полем возможностей для любых систем, в том числе таких, как социум или человек [5]. Яркими примерами такого творящего хаоса являются кризисы — личностные или политические, когда сильная флуктуация приводит к реализации самых разных вариантов развития событий.

Таким образом, вне корреляционистского круга Мейясу сталкивается с тем, что единственно возможным абсолютом является крайняя форма хаоса, т. е. гипер-Хаос, который, естественно, не может гарантировать порядка и быть основанием достоверного знания. Описывая это единственное данное «в себе» (т. е. гипер-Хаос), Мейясу пишет: «Если мы посмотрим в щель, которую открыли на абсолют, мы увидим там довольно угрожающую силу — нечто глухое, способное разрушать вещи и миры; способное порождать монстров алогизма; способное также никогда не переходить к действию; способное воплотить и любые фантазии, и любые кошмары; способное на необузданные и беспорядочные изменения, или, наоборот, способное произвести бездвижный универсум» [3, с. 91-92]. Эта неупорядоченная мощь приводит философа к идее о том, что за хаосом, как первичным абсолютом, должен последовать вторичный абсолют, коим будет абсолют математический [3, с. 91].

Для перехода от одного абсолюта (неупорядоченного) к другому (упорядоченному), Мейясу заново ставит проблему Юма, которая в классическом виде звучала так: возможно ли доказать, что одни и те же причины, при прочих равных, повлекут за собой в будущем такие же последствия. Философ рассматривает варианты решения этой проблемы, предложенные Кантом и Юмом, приводящим аргумент частотности, предполагающий, что предоставленный сам себе неупорядоченный хаос будет изменяться непрерывно и часто и потому образование сознания было бы невозможно. Сам же Мейясу формулирует вопрос иначе: «как объяснить явленную нам стабильность физических законов, если они предположительно являются контингентными?» [3, с. 134].

В поисках условий «стабильности» хаоса, Мейясу разводит понятия случайности и контингентности, показывая, что если случайность содержит в себе идею игры и исчислимости, то контингентность подразумевает, что с нами наконец-то случилось нечто иное - возможность реализовалась. Таким образом, Мейясу делает акцент на том, что важно само окончание «безумной игры в кости» и именно поэтому автор избегает описания возможностей уже после того, как иное стало актуальным. Философ пишет: «новое хватает нас за жабры, прекращается счёт — и прекращается игра» [3, с. 161]. Снова проводя параллель с темой бесконечности, на этот раз можно вспомнить Фому Аквинского, для которого, в отличие от Кузанского, актуальное и потенциальное были невозможны в действительности одновременно. Так, потенциальность материи существовала только до того момента, как приобретала форму. Актуализация, таким образом, отменяла потенциальность [6, с. 90]. Представляется, что тоже соотношение актуального и потенциального свойственно и Мейясу.

Интересно то, что возвращая значимость метафизическим вопросам, он легитимизирует ответы явно говорящие о случайности. Так, на вопрос типа «Почему нечто есть так, а не иначе?», Мейясу считает возможным ответить: «Просто так»; а на вопрос: «Откуда мы произошли и почему существуем?» отвечает: «Ниоткуда и ни для чего» [3, с. 164]. Можно предположить, что эта случайность только притворяется таковой и математический абсолют как раз и должен предложить ясное основание того, как из контингентности актуализируется возможность, которая неслучайна. Поиски математического основания «всего» подвижны желанием пробиться к вещи в себе, т. е. реальному

миру, при этом же можно предположить, что подобное «знание» есть ещё и ключ к преодолению Хаоса и, соответственно, неопределённости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При всей грандиозности замысла французского философа, есть возможность допустить, что он прав в этом своём стремлении найти математический ключ к нашему миру, ведь даже Пригожин констатировал, что сложность естественных объектов лежит в пределе между случайностью и некоторой крупномасштабной упорядоченностью [7, с. 223-224], которую, опять же, скорее всего есть вероятность найти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 414 с.
2. Латур Б. Почему выдохлась критика? От реалий фактических к реалиям дискуссионным // Художественный журнал Moscow Art Magazine. 2015. № 93.
3. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой — Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. — 196 с.
4. Николай Кузанский. Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Мысль, 1979.
5. Пригожин И. Философия нестабильности. Вопросы философии, 1991, №. 6, 46–52.
6. Фома Аквинский Сумма теологии. Часть I. Вопросы 1-43. М.: Элькор-МК, 2002.
7. Николис Г. Пригожин И. Познание сложного. Введение. — М.: Мир, 1990. — 344 с.